

УДК 165.3

DOI: 10.34670/AR.2025.70.73.002

Предельность без границ? Феноменология длительности и конечности в новой технологической реальности

Гайфутдинов Ленар Радикович

Аспирант,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18/1;
e-mail: bilkinbill@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена феноменологическому анализу предельности человеческого существования в контексте новой технологической реальности. Отправной точкой исследования выступают концепции длительности Анри Бергсона и проживаемого времени Эжена Минковского, позволяющие рассматривать субъективность как временную структуру, основанную на непрерывном становлении. Показано, что конечность имеет темпоральную природу и проявляется как разрыв длительности, в котором обнажается структура человеческого опыта. Анализируются трансгуманистические проекты цифрового бессмертия, основанные на сведении субъективности к данным, и демонстрируется их принципиальная неспособность воспроизвести внутреннее время субъекта. В контексте постчеловеческих трансформаций рассматривается феномен распределенной темпоральности, возникающей в цифровой среде и ведущей к фрагментации субъективного опыта. Делается вывод о том, что предельность представляет собой неизбежную характеристику человеческого бытия, поскольку связана с временной структурой сознания, а не с биологическими параметрами жизни. Концепции длительности и проживаемого времени позволяют критически оценить перспективы цифрового бессмертия и выявить онтологические границы техноутопических проектов.

Для цитирования в научных исследованиях

Гайфутдинов Л.Р. Предельность без границ? Феноменология длительности и конечности в новой технологической реальности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 11А. С. 13-20. DOI: 10.34670/AR.2025.70.73.002

Ключевые слова

Бергсон, длительность, конечность, методология исследования, Минковский, постчеловеческое, проживаемое время, техносреда, трансгуманизм, цифровое бессмертие.

Введение

Проблема конечности человеческого существования занимает одно из центральных мест в философской традиции, однако в условиях стремительного развития технологий она приобретает новые очертания. Новая технологическая реальность, ориентированная на моделирование, архивирование и симуляцию субъективного опыта, формирует особую перспективу осмысления смерти и предельности. Проекты цифрового бессмертия и техноутопические представления о преодолении смерти предполагают, что субъективность может быть отделена от живого времени и сохранена в форме данных. В этой связи возникает необходимость феноменологического анализа предельности как структуры внутреннего времени, несводимой к биологическим показателям жизнедеятельности.

Философия времени Анри Бергсона [Бергсон, 2020, 90] вводит понимание сознания как длительности — непрерывного, качественно неоднородного потока становления, не поддающегося редукции к дискретным элементам. Эжен Минковский [Минковский, 2018, 64], развивая данную линию, рассматривает проживаемое время как витальную основу существования и показывает, что нарушения ритма внутреннего времени ведут к разрушению субъективности. Предельность в этом контексте предстает не как внешнее ограничение, а как темпоральная структура, обнаруживаемая в разрывах длительности. Настоящая статья направлена на анализ того, сохраняет ли феноменология времени своё объяснительное значение в ситуации, когда субъективность становится объектом технологической фиксации и симуляции. Цель работы — выявить, каким образом концепции длительности и проживаемого времени позволяют критически переосмыслить проекты цифрового бессмертия и показать, что предельность остаётся неизменной характеристикой человеческого присутствия, связанной с внутренней темпоральностью субъекта.

Современная философия, сталкиваясь с экспоненциальным ростом технологий, оказывается в положении, когда вопросы о природе субъективности требуют радикального уточнения. Усиление цифровых инфраструктур создает иллюзию, будто человеческая жизнь может быть продлена или перенесена в сферу данных, где, по мысли сторонников цифрового бессмертия, субъективность сохраняет свою идентичность. Однако феноменологический подход демонстрирует обратное: любое вмешательство, выводящее субъективность за пределы живой темпоральности, разрушает фундаментальные условия опыта. Иными словами, феноменология позволяет рассмотреть цифровое бессмертие не как прорыв, а как форму технологической мифологии, скрывающей страх перед конечностью. Таким образом, необходимость обращения к феноменологии времени в условиях технологической трансформации становится очевидной: только в рамках анализа временности субъекта можно выявить онтологический статус конечности и понять, почему ее техническое устранение не просто невозможно, но и внутренне противоречиво.

Длительность как форма субъективности

Понимание сознания как длительности занимает ключевое место в философии Анри Бергсона [Бергсон, 2020, 90]. Длительность выступает в качестве внутренней формы времени, которая не сводится к количественным измерениям. Она представляет собой непрерывное становление, в котором прошлое сохраняется и преобразуется в настоящем, создавая качественную неоднородность внутреннего опыта. В этом процессе субъективность

обнаруживает себя не как совокупность состояний, а как поток, в котором смысл формируется через движение и изменение. Попытка представить сознание в виде набора статических данных приводит к его редукции и утрате его собственной временной природы. Длительность сопротивляется фиксации: её нельзя остановить, воспроизвести или перенести без разрушения ее структуры. В бергсоновской перспективе предельность связана с тем моментом, когда длительность сталкивается с невозможностью продолжения, обнажая свою зависимость от качественной структуры времени. Дополняя бергсоновское понимание длительности, важно отметить, что она не только фиксирует качественную изменчивость внутреннего времени, но и обнаруживает ту степень неуловимости субъективности, которая делает невозможным её картографирование средствами науки [Бергсон, 2020, 85–92]. Длительность как поток предполагает постоянное перерастание одного состояния в другое, и именно это делает живой опыт невыразимым в категориях фиксированных данных. Всякая попытка остановить длительность превращает живую субъективность в механическую модель.

Бергсон подчеркивает, что длительность — это не просто характеристика человеческого сознания, но фундаментальная онтологическая структура, определяющая саму возможность восприятия и взаимодействия с миром [Бергсон, 2020, 100–110]. Поэтому феноменологическое исследование длительности указывает на радикальную ограниченность всех проектов, стремящихся схватить субъективность в виде внешнего профиля, будь то нейрокарты, цифровые следы или биометрические данные. С этой точки зрения, цифровое бессмертие не является продолжением длительности. Оно является ее противоположностью. В цифровой среде задаётся бесконечно повторяемый набор статических состояний, не способных самопроизвольно трансформировать себя. Это позволяет говорить о том, что цифровой субъект — не субъект, а симулякр субъективности, лишенный внутреннего становления.

Проживаемое время и витальный ритм субъекта

Эжен Минковский развивает бергсоновский подход, рассматривая проживаемое время как основу человеческого существования. Проживаемое время характеризуется витальным ритмом, который определяет связь субъекта с миром и самим собой. Оно не является абстрактной величиной, а формируется в динамике телесности, эмоциональности и направленности сознания. Минковский показывает, что нарушение проживаемого времени ведет к дезинтеграции субъективности. Кризисные и пограничные состояния проявляются как фрагментация временного потока, его ускорение или остановка. Эти разрывы обнаруживают темпоральную природу предельности: конечность проявляется там, где длительность теряет свою непрерывность. С точки зрения Минковского, предельность — это форма внутреннего события, в котором расстраивается жизненный ритм субъекта [Минковский, 2018, 120–130].

Совмещенное рассмотрение длительности и проживаемого времени позволяет выявить внутреннюю структуру субъективности, которая определяется непрерывностью становления. Любое вмешательство в эту структуру — биологическое, психологическое или технологическое — приводит к обнажению границ человеческого существования. Минковский, анализируя патологические формы времени, показывает, что нарушение ритма проживания приводит не просто к замедлению или ускорению времени, но к разрушению самого чувства присутствия [Минковский, 2018, 180–190]. В таких состояниях прошлое и будущее перестают быть связанными, а настоящее утрачивает глубину. Это позволяет увидеть, что временность — не измерение субъекта, а условие его возможности. Именно в этом проявляется философская

глубина его концепции: проживаемое время является способом быть, а не только способом чувствовать. Поэтому любое вмешательство в структуру времени — технологическое, медицинское или психологическое — неизбежно затрагивает саму ткань субъективности. Отсюда вытекает важное следствие: субъективность нельзя «перенести» или «копировать», так как проживаемое время не переносимо. В контексте цифровизации эта мысль становится принципиальной: любые попытки переноса сознания не учитывают того, что сознание — это поток. Технологии могут оперировать данными, но они не способны оперировать проживанием. В этом различии скрыта фундаментальная граница между человеком и цифровым «аватаром», между живым временем и технологическим временем.

Предельность как разрыв внутреннего времени

Предельность предстает в феноменологии как форма темпорального разрыва. Она выражает не момент исчезновения, а момент, в котором длительность потеряла возможность продолжения. В этом разрыве обнаруживается зависимость субъективности от внутреннего времени. Предельность — это не биологическое событие, а онтологическое состояние, раскрывающее временную природу сознания. Разрыв длительности не устраняется продлением жизни: он связан с самой структурой становления, которая предполагает возможность своего завершения. Тем самым конечность не может быть преодолена внешними средствами, поскольку она укоренена в внутреннем времени субъекта. Философия предельности показывает, что человеческое существование определяется не только протяженностью жизни, но и темпоральной структурой проживания. Феноменологический анализ предельности позволяет увидеть, что окончание времени субъекта — не физическое прекращение функций организма, а прекращение внутреннего ритма, благодаря которому существует смысловое поле опыта. Таким образом, смерть становится не только биологической, но и феноменологической категорией: она выражает невозможность продолжения становления. В то же время предельность выполняет ключевую экзистенциальную функцию: она замыкает временную дугу человеческого существования, придавая ему завершенность. Без предельности время субъекта потеряло бы направленность, а жизнь — форму [Бергсон, 2020, 140–150]. Это означает, что конечность сама по себе является структурным условием смысла, а не его разрушением. Эта мысль особенно важна в контексте современных техноутопий: попытки устранить смерть как предел бытия приводят не к продлению субъективности, а к ее исчезновению. Неограниченная продолжительность, лишённая структурирующего разрыва, превращает время в пустую последовательность, не способную порождать смысл.

Трансгуманистическая редукция субъективности

Трансгуманизм предлагает устранение смерти путем технологических решений, предполагая, что субъективность может быть перенесена в цифровую среду в виде набора данных. Проекты цифрового бессмертия основаны на представлении о том, что сознание тождественно информации, которую можно сохранить, увеличить или скопировать. В этой перспективе технологическая фиксация мыслится как средство преодоления предельности. Однако философия времени Бергсона и Минковского [Бергсон, 2020, 90–110; Минковский, 2018, 180–190] показывает, что подобные представления основаны на глубокой редукции субъективности. Данные не обладают длительностью: они статичны, дискретны и лишены

внутреннего ритма. Проживаемое время не может быть воспроизведено техническим образом, поскольку оно формируется в динамике живого присутствия. Попытка представить субъективность как информационный объект устраняет её временную природу и приводит к онтологической подмене. Цифровые двойники, симуляции личности и алгоритмические модели создают иллюзию сохранения субъекта, но фактически устраняют длительность, заменяя её статическими структурами. В феноменологическом отношении это означает исчезновение субъективности: цифровое бессмертие сохраняет данные, но лишает их внутреннего времени. Это не преодоление предельности, а её маскировка. В этом контексте трансгуманизм следует понимать не как расширение человеческих возможностей, а как онтологическую редукцию, в которой становление заменяется фиксацией, а проживание — информационными следами. Предельность остается неустранимой, поскольку она укоренена не в биологии, а в структуре времени как становления.

Проекты цифрового бессмертия опираются на представления Рэя Курцвейла [Курцвейл, 2003, 52–60], согласно которым цифровая копия субъекта может воспроизвести его сознание. Критический анализ трансгуманизма показывает, что его ключевая ошибка заключается в отождествлении субъективности с информацией. В трансгуманистической перспективе сознание — это алгоритм, который можно перенести с одного носителя на другой. Однако феноменология времени демонстрирует, что сознание — это не алгоритм, а становление, не функция, а процесс. Длительность и проживаемое время не копируемы по определению, т.к. их нельзя воспроизвести в ином носителе. С этим связана еще одна проблема трансгуманизма, предполагающего возможность бесконечной модификации субъекта, не учитывая, что субъективность определяется своей конечностью. Попытка устранить предельность техническими средствами приводит к устранению субъектности как таковой. Субъект, лишенный конечности, перестает быть субъектом. Таким образом, трансгуманизм оказывается не столько проектом продления жизни, сколько проектом упразднения субъективности. Он стремится сохранить человека, уничтожив то, что делает человека человеком, — живую темпоральность его опыта.

Постчеловеческая распределенная темпоральность

Постчеловеческие теории подчёркивают, что современная техносреда формирует новые формы субъективности, которые характеризуются распределенностью времени. Субъект перестает быть носителем единой длительности: его временная структура разделяется между биологической телесностью, цифровыми следами, сетевой активностью и алгоритмическими механизмами хранения памяти. В условиях многослойной цифровой среды возникает феномен распределенной темпоральности, в которой внутренний временной поток утрачивает единство. Эти процессы подробно анализируются в работах Розы Брейдотти [Брейдотти, 2021, 27–35] и Кэтрин Хейлз [Хейлз, 2025, 29–40]. Фрагментация времени приводит к тому, что субъект существует одновременно в нескольких темпоральных режимах, не совпадающих между собой. Это состояние не устраняет конечность, но изменяет ее форму: предельность становится менее связанной с биологическим завершением и более зависимой от разрушения внутренней непрерывности. Дон Ихде и Питер-Пол Вербек показывают, что вмешательство технологий в структуру длительности приводит к темпоральному расщеплению субъективности, что свидетельствует о ее уязвимости перед цифровыми трансформациями [Ihde, 1990, 41–45; Verbeek, 2005, 58–64]. Распределённая темпоральность — это не просто следствие

цифровизации, но новая онтологическая форма существования субъекта, в которой различные медиаторы — технологические, социальные, биологические — начинают задавать собственные временные режимы. Субъект оказывается включенным в несколько несовпадающих ритмов, что приводит к постепенному рассеиванию внутреннего времени. В результате субъективность теряет ощущение непрерывности, превращаясь в сеть пересекающихся, но не совпадающих временных траекторий. Этот процесс существенно отличается от трансгуманистической утопии: если трансгуманизм стремится нейтрализовать предельность, то постчеловеческий подход делает конечность рассеянной. Она перестает быть единственным разрывом и превращается в множественность микро-разрывов, возникающих всякий раз, когда внешний временной режим подавляет внутренний. Именно поэтому постчеловеческая темпоральность представляет собой не альтернативу смерти, а её новую форму — форму распада темпоральной целостности. Таким образом, техносреда не устраняет предельность, а расщепляет ее, превращая субъективность в метаструктуру временных потоков, в которых исчезает возможность внутреннего становления.

Выводы

Феноменология времени Анри Бергсона и Эжена Минковского позволяет выявить темпоральную природу человеческой конечности. Предельность предстает как разрыв длительности, в котором раскрывается структура субъективности. Этот разрыв не устраняется технологическими решениями, поскольку он связан не с биологией, а с внутренним временем субъекта. Любая попытка устранить предельность приводит к устранению длительности, а значит — и субъективности. Трансгуманистические проекты цифрового бессмертия, ориентированные на информационную модель субъективности [Курцвейл, 2003, 52–60], предлагают технические средства преодоления смерти, но фактически заменяют живую временность субъектов статическими информационными структурами. Постчеловеческая распределённая темпоральность, анализируемая в работах Брейдотти и Хейлз, а также постфеноменологов, таких как Дон Ихде и Питер-Пол Вербек [Брейдотти, 2021, 27–35; Хейлз, 2025, 29–40; Ihde, 1990, 41–45; Verbeek, 2005, 58–64], демонстрирует, что вмешательство технологий в структуру длительности фрагментирует субъективность и приводит к утрате временной целостности.

Собственная позиция автора заключается в том, что феноменологическое понимание времени должно служить критическим контрапунктом техноутопическим сценариям. Если исходить из приоритета проживаемого времени над его цифровыми репрезентациями, то проекты цифрового бессмертия могут рассматриваться не как онтологический выход за предел человеческого, а как культурные фантазмы, выявляющие страх перед конечностью и невозможность выдержать опыт предельности. Тем самым феноменологическая перспектива возвращает дискуссию о трансгуманизме в поле ответственности: технические решения не могут подменять работу осмысления собственной конечности и не освобождают субъекта от необходимости выдерживать напряжение между жизнью и её пределом. Авторская позиция подчеркивает необходимость переориентации философской рефлексии: вместо вопроса о том, «как преодолеть смерть», в центр ставится вопрос о том, каким образом сохранить подлинное измерение человеческого опыта в условиях радикальной техносредовой трансформации. Феноменология длительности и проживаемого времени в этом контексте выступает не только аналитическим инструментом, но и формой сопротивления редукции субъективности к данным,

отстаивая уникальность человеческого присутствия как события времени.

Исходя из проведенного анализа, можно утверждать, что попытки технологически трансформировать субъективность должны оцениваться не только с точки зрения эффективности, но и с точки зрения соответствия фундаментальной структуре человеческого опыта. Феноменология показывает, что время — это не внешний параметр, а основа существования субъекта. Следовательно, субъективность не может быть сохранена вне времени, так же как движение не может быть сохранено вне пространства. Поэтому цифровое бессмертие, несмотря на свою популярность в технокультурных дискурсах, является концептуально несостоятельным проектом: оно предлагает устранение смерти, но вместе с этим устраняет и субъективность. С философской точки зрения, цифровое бессмертие представляет собой форму отказа от человеческой природы, которая не просто допускает конечность, но существует благодаря ей. Феноменология времени позволяет увидеть, что предельность — это не граница, которую следует преодолеть, а условие, которое следует принять, чтобы сохранить человеческое измерение современной реальности. В условиях технологической трансформации именно принятие конечности становится актом сохранения субъективности, сопротивлением превращению человека в технический объект или информационный ресурс.

Библиография

1. Бергсон А. Непосредственные данные сознания: время и свобода воли / Пер. с фр. Б. Г. Быховского. М.: ЛЕНАНД, 2020. 224 с.
2. Брейдотти Р. Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис; под ред. В. Данилова. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
3. Курцвейл Р. Эпоха духовных машин / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2003. 384 с.
4. Минковский Э. Проживаемое время: феноменологические и психопатологические исследования / Пер. с фр. Е. Пучковой, Т. Юшкевич. М.: Городец, 2018. 496 с.
5. Хейлз Н. К. Как мы стали постлюдьми: виртуальные тела в кибернетике, литературе и информатике / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: V-A-C press, 2025. 480 с.
6. Ihde D. Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth. Bloomington: Indiana University Press, 1990. 216 p.
7. Verbeek P.-P. What Things Do: Philosophical Reflections on Technology, Agency, and Design. University Park: Pennsylvania State University Press, 2005. 232 p.

Limitlessness Without Boundaries? Phenomenology of Duration and Finitude in the New Technological Reality

Lenar R. Gaifutdinov

Postgraduate Student,
Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 18/1, Kremlyovskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: bilkinbill@gmail.com

Abstract

The article is devoted to a phenomenological analysis of the limit of human existence in the context of the new technological reality. The starting point of the research is the concepts of duration by Henri Bergson and lived time by Eugène Minkowski, which allow considering subjectivity as a

temporal structure based on continuous becoming. It is shown that finitude has a temporal nature and manifests itself as a rupture of duration, in which the structure of human experience is revealed. Transhumanist projects of digital immortality, based on reducing subjectivity to data, are analyzed, and their fundamental inability to reproduce the inner time of the subject is demonstrated. In the context of posthuman transformations, the phenomenon of distributed temporality arising in the digital environment and leading to the fragmentation of subjective experience is considered. It is concluded that the limit is an inescapable characteristic of human being, as it is connected with the temporal structure of consciousness, and not with biological parameters of life. The concepts of duration and lived time allow for a critical assessment of the prospects for digital immortality and reveal the ontological boundaries of techno-utopian projects.

For citation

Gaifutdinov L.R. (2025) Predel'nost' bez granits? Fenomenologiya dlitel'nosti i konechnosti v novoy tekhnologicheskoy real'nosti [Limitlessness Without Boundaries? Phenomenology of Duration and Finitude in the New Technological Reality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (11A), pp. 13-20. DOI: 10.34670/AR.2025.70.73.002

Keywords

Bergson, duration, finitude, research methodology, Minkowski, posthuman, lived time, techno-environment, transhumanism, digital immortality.

References

1. Bergson, A. (2020). Neposredstvennye dannyye soznaniya: vremya i svoboda voli [Time and free will: An essay on the immediate data of consciousness]. LENAND.
2. Braidotti, R. (2021). Postchelovek [The posthuman]. Izdatel'stvo Instituta Gaidara.
3. Hayles, N. K. (2025) Kak my stali postliud'mi: virtual'nye tela v kibernetike, literature i informatike [How we became posthuman: Virtual bodies in cybernetics, literature, and informatics]. V-A-C press.
4. Ihde, D. (1990). Technology and the lifeworld: From garden to earth. Indiana University Press.
5. Kurzweil, R. (2003). Epokha dukhovnykh mashin [The age of spiritual machines]. Eksmo.
6. Minkowski, E. (2018). Perezhivaemoe vremya: fenomenologicheskie i psikhopatologicheskie issledovaniia [Lived time: Phenomenological and psychopathological studies]. Gorodets.
7. Verbeek, P.-P. (2005). What things do: Philosophical reflections on technology, agency, and design. Pennsylvania State University Press.